

Капитолина Ходова (Москва, СССР)

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКИХ ГРЕКО-СЛАВЯНИЗМАХ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

(датовно-инфинитивные конструкции в придаточных предложениях следствия)

В развитии и формировании древней славянской литературы и старославянского литературного языка (древнеболгарского по происхождению) важна роль его контакта с греческим литературным языком. Для славянского книжника был высок авторитет старой, с богатой письменной традицией, с развитым, стилистически обработанным языком византийской литературы, которая изучалась и переводилась для нужд церкви и государства. Произведения на греческом языке были не только подлинниками переводимых текстов, но, позднее, и постоянной опорой для сверки и исправления старых переводов. Почитание религиозной литературы на греческом вызывало стремление следовать текстам оригинала, что создавало условия для непосредственного влияния переводимого языка на язык славянских переводов.

Использование богатств греческого языка отвечало запросам формирующегося первого литературного языка славян. При переходе от обиходного разговорного языка к литературному — инструменту культуры, средству, способному выразить отвлеченные богословские и философские рассуждения, оформляющийся старославянский язык нуждался в пополнении выразительных средств и находил источник этих средств в греческом языке с его богатым лексическим фондом и обработанной грамматической структурой.

При изучении греческого вклада в старославянский язык в научной литературе решаются вопросы объема и характера этого вклада, степени воздействия греческого на старославянский. В настоящей статье рассматривается вопрос об одной синтаксической конструкции старославянского языка. Она возникла в нем под влиянием греческого образца и перешла затем в другие древние славянские литературные языки, в частности в древнерусский.

Неоднократно в научной литературе отмечалось, что воздействие греческого на старославянский в области синтаксиса шло двумя разными путями. (Бирнбаум 1958: 244—246; Дворжакова 1959: 116; Вечерка 1971: 140) Во-первых, указывается на способ механического калькирования греческих конструкций. Буквальная имитация греческой конструкции отразилась, например, в ев. от Марка 10,8, где в соответствии с греческой конструкцией καὶ ἔσονται οἱ δύο εἰς σαρξά μίαν в Зогр. и Мар. читается и *бждѣте оба въ плѣть єдинѣ*. Механические или буквальные синтаксические кальки в старейших переводах эфемерны и более-менее случайны; из-за своих чуждых для славянских языков конструктивных особенностей они не вошли в число распространенных выразительных средств старославянского языка, не закрепились в нем.

Второй известный путь влияния греческого на старославянский в области синтаксиса — воздействие греческого образца, вызывающего активизацию собственных славянских конструктивных типов. Греческий образец становится в этих случаях импульсом для образования славянской конструкции, которая не совпадает пол-

ностью по структуре с греческой конструкцией, но с большой точностью передает ее значение. Для создания таких конструкций ищутся собственные славянские способы сочетаемости грамматических форм; конструкция, которая в ее буквальном греческом образце была чуждой синтаксису славянских языков, славянизму, что способствует облегчению ее восприятия на славянской почве и в то же время сохранению как специфического средства выражения синтаксической семантики. Заимствования такого рода оказались более жизнеспособными, чем механические кальки. Их участием образуется смешанный греко-славянский синтаксис как одна из примет стиля старославянских переводов, который оказал сильное и длительное воздействие на славянские литературные языки древнего периода.

В частности, под влиянием греческого языка заметно возросло употребление причастных и инфинитивных конструкций — синтаксических особенностей, отличающих книжный язык от разговорного. Многочисленные инфинитивные и причастные конструкции «стали характерной чертой литературного образа выражения, чертой литературного высокого стиля» (Вечерка 1985: 176). Примером синтаксического образования, возникшего указанным путем, по праву можно считать оборот *dativus absolutus*, т. е. сочетание имени существительного или местоимения в дательном падеже с согласованным с ним причастием. Изучению этого оборота посвящено множество исследований. Актуализация его в старославянском вызвана влиянием греческого генитива с причастием — оборота, конструктивно чуждого славянским языкам.

Однако использование здесь дательного с причастием не противоречит синтаксису славянских языков: возможны такие ситуации, где сочетания дательного с причастиями наблюдаются и вне оборотов *dativus absolutus*. Поэтому Р. Вечерка в своей работе о синтаксисе старославянских причастий писал, что оборот *dativus absolutus* — это средство книжное: ни грецизм в обычном смысле слова, ни средство, принятое в народном языке. Этот автор оценивает оборот *dativus absolutus* как одно из проявлений стилизованности старославянского языка (Вечерка 1961: 55—56). Оборот *dativus absolutus* перешел и в древнерусский язык, где широко распространен и долго употреблялся.

В настоящей статье предметом рассмотрения является другая конструкция — дательный с инфинитивом, где дательный выступает в функции субъекта и образует с инфинитивом прочное синтаксическое соединение. Дативно-инфинитивная конструкция старославянского языка соответствует винительному с инфинитивом греческих подлинников и аналогична классической конструкции *accusativus cum infinitivo*. Выяснено, что эта конструкция в греческой и латинской христианской литературе по сравнению с классическим периодом значительно ограничена. В новозаветных текстах, особенно в Евангелии, написанном преимущественно народно-разговорной речью, она встречается нечасто. Конструкция особенно хорошо сохраняется «в текстах, написанных изысканным книжным языком, в текстах литургических, житийных святых, проповедей и гомилетических работах Отцов церкви» (Гадерка 1964: 519).

Далеко не каждая греческая конструкция винительного с инфинитивом вызывает появление в старейших славянских переводах дативно-инфинитивной конструкции. При сравнении с греческой аккузативно-инфинитивной выявляются и другие способы передачи греческой конструкции на славянский (см. ниже). Расширяется ее употребление в более поздних текстах старославянского языка.

Безличные аккузативно-инфинитивные сочетания славянским языкам не свойственны. Винительный в качестве субъекта может появляться с безличным глаголом (как в русских предложениях типа *меня знобит, трясет, лихорадит* и под.), но не с инфинитивом. Наоборот, дательный субъекта с инфинитивом в славянских языках обычное явление; здесь с давних времен и до сих пор представлены безлично-инфинитивные предложения с дательным субъекта, семантика которых чаще всего в разной степени нагружена различными модальными оттенками: необходимости, намерения, неизбежности, желаемости и др. Но в то время как сама сочета-

емость дательного с инфинитивом грамматически правильна и возможна, ее употребление в обороте дательный с инфинитивом очень часто (хотя и не всегда) характеризуется отсутствием семантических, преимущественно, модальных, оттенков, при таких сочетаниях дательного с инфинитивом в славянских языках (Ружичка 1966: 89—96). Г. Бирнбаум видит в славянской дативно-инфинитивной конструкции пример «усиления (при одновременной семантической модификации) исконного славянского языкового средства под влиянием подобного, но не тождественного образца греческого синтаксиса» (Бирнбаум 1968: 29). Итак, славянская сочетаемость используется в данном случае для передачи конструктивно чуждого для славянских языков оборота; при этом чаще всего теряется присущий славянским инфинитивным сочетаниям с дательным модальный смысл, но сохраняется семантика греческой конструкции. Такого рода старославянские конструкции Е. Дворжакова назвала грецизирующими (Дворжакова 1959). Пример: *и се тръжъ велн бгысть въ морн. ѡко покрываети сѧ кораблю вълнамн ште то плоѡв халѡптешаи* Мат. 8, 24 Зогр., Мар.; здесь греческому винительному *το πλοῶν* соответствует славянский дательный *кораблю* (примеры из Евангелия здесь и ниже извлечены только из старейших кодексов: Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.).

Дативно-инфинитивная конструкция выступала в старославянском в составе нескольких семантико-синтаксических моделей; Р. Мразек насчитывает 7 основных моделей, в пределах которых еще выделяются подчиненные варианты, обусловленные различиями в их синтаксисе и семантике (Мразек 1963). Подробно разработан вопрос о типах дативно-инфинитивных конструкций старославянского языка в работе К. Гадерки (Гадерка 1964).

В настоящей статье из этого многообразия типов старославянских дативно-инфинитивных конструкций избран наиболее распространенный тип, перешагнувший границы старославянских текстов и заживший самостоятельной жизнью в русском литературном языке: дативно-инфинитивные конструкции с союзом *ѡко*, *ѡкоже* в придаточных предложениях следствия, или консективных.

Придаточное следствия относится не к одному какому-либо члену главного предложения, а к главному предложению в целом. В главном предложении сказуемое обычно выражается глаголом в форме прошедшего времени; придаточное следствия обозначает действия или события в условиях прошедшего времени, которые являются непосредственным следствием, результатом тех событий, о которых сообщается в главном предложении.

Действие, выраженное придаточным, происходит чаще всего одновременно с действием главного; следовательно, придаточное также выражает действие, совершившееся в прошлом. Возможны и существуют также сложные предложения, в которых действие придаточного следует после действия главного, т. е. придаточное выражает не только следствие, но и последствие действий главного (см., например, ниже предложение из ев. от Луки 5, 7). Временное значение прошедшего в придаточном не выражено морфологически: соответствующие прошедшему временные формы глагола *вѣти* в придаточных следствия старославянского языка отсутствуют. Эта особенность, между прочим, позволила высказать мысль о влиянии старославянских дативно-инфинитивных предложений уже в историческую эпоху на русский литературный язык в направлении дальнейшего укрепления в нем позиций бессвязного типа инфинитивных предложений (Грабе 1968: 354).

Придаточное следствия располагается после главного предложения; в таком порядке отражается логическая зависимость следствия от порождающих его действий или событий. В старославянском придаточные следствия вводятся союзом *ѡко* (в Псалтыри и Евангелии) и *ѡкоже* (в Супр.); эти союзы поддерживают консективный смысл дативно-инфинитивного оборота в придаточном.

Примеры старославянских придаточных следствия, выраженных дативно-инфинитивным оборотом, приведены в работах: Ст. Слоньского (Слоньски 1908:43) К. Горалека (Горалек 1954); Р. Мразека (Мразек 1963:123); К. Гадерки (Гадерка 1964:517); Л. Пацнеровой (Пацнерова 1964:549). Ранее А. А. Потебня привел 5 примеров из Остромирова евангелия и 2 примера из Супр. (Потебня 1958 (1889):419). Ниже все примеры предложений с отчетливым значением следствия, которые извлечены из древнейших списков Евангелия — Зогр., Мар., Ассем., Савв., Остр., объединяются в единое целое. Показания поздних списков не привлекаются ввиду того, что сопоставление производится с текстом русских произведений, созданных еще в середине и конце XI в. (по списку конца XII — начала XIII вв.). Предложения, отмеченные в Евангелии, распределяются далее соответственно их ситуативно-контекстному содержанию, главной опорой которого является лексика глагола-предиката в форме инфинитива. Такого рода группировка нужна для сопоставления старославянских текстов с древнерусскими, о чем см. ниже.

1. В придаточном следствия часто повествуется об удивлении лица или множества лиц при виде некоего действия или события (в том числе необычного или чудесного), излагаемого в главном предложении: *і прнѣпнша къ немуу народи мнози. ѿмѣште съ собоѣ хромѣ. нѣмѣ. слѣпѣ. бѣсънѣ. і ннѣ многѣ. . . і нѣ блн ѿ. ѣко народоу днвнѣн сѧ ѡсте тѡν δχλον θαυμάσαι* *Мат. 15,31* Зогр., Мар.; *і не отвѣшта емоу. нн къ единомуу глау. ѣко днвнѣн сѧ іѣмоноу зѣло ѡсте θαυμάζειν тѡν ήμερών* *λίαν* *Мат. 27,14* Зогр., Мар., Ассем., Савв., Остр. (2 раза); *і съ же къ немуу ннѣсоже не отвѣшта. ѣко днвнѣн сѧ пнлатѡн ѡсте θαυμάζειν тѡν Πιλῶτον* *Марк 15,5* Зогр., Мар.; *н нѣде авне прѣдъ вѣсѣмн ѣко дѣвѣтѣ сѧ вѣсѣмъ. н славнѣ ба ѡсте ῥεῖστασθαι πάντας καὶ δοξάζειν тѡν θεὸν* *Марк 2,12* Ассем., Остр. (в Зогр., Мар., Савв. — *ѣко днвѣвахъ сѧ всн і славлѣвахъ ба*).

2. В придаточном мотив последствий наполнения, переполнения некоего предмета, понимаемого как вместилище для других предметов: *авне събѣраша сѧ мнози. ѣко къ томоу не вмѣщати сѧ нн прѣ двѣрехъ ѡсте мнѣтѣ хорεῖν μὴδὲ πρὸς τὴν θύραν* *Марк 2,2* Ассем. (не *вмѣщаахъ сѧ. нн прѣдъ двѣрьмн* Зогр., Мар., Савв., Остр.); *і прндоша і нсплвннша оба корабѣ ѣко погрѣжатн сѧ іма ѡсте βυθίζεσθαι αὐτὰ* *Лука 5,7* Зогр., Мар., Ассем., Остр.;

3. В придаточном следствия лексически выраженное указание на невозможность действия. Причина невозможности действовать выясняется из содержания главного предложения: *сърѣтоста н дѣва бѣсьноуѣща сѧ . . . люта зѣло. іако не моштн ннкомоуже мнмонѣн пѣтьмѣ тѣмъ ѡсте μὴ ἰσχύειν τινὰ παρελθεῖν* *Мат. 8,28* Остр. (в Зогр., Мар., Ассем. — *ѣко не можааше ннктоже мннѣтн; в Савв. — не могѣшю ннкомеже прнѣтн); н събѣраша сѧ пакзи народи. ѣко не моцн нмъ нн хлѣба сънѣстн ѡсте μὴ δύνασθαι αὐτοὺς μὴδὲ ἄρτον φαγεῖν* *Марк 3,20* Зогр., Мар.

4. В придаточном единичные сообщения о разных других событиях или действиях как следствиях событий, выраженных главным предложением: *н бѣн ѣко мрътеъ. ѣко н многомъ глатѣ ѣко оумьреть ѡсте τοὺς πόλλους λέγειν* *Марк 9,26* Ассем., Остр. (*ѣко мнози глаахъ* Зогр., Мар., Савв.); *егда же въздрастеть. боле есть зѣлн н зѣваеть дрѣво. ѣко прнѣтн пѣнцямъ нѣскѣзмъ і вѣтатн на кѣтѣхъ его ѡсте ἐλθεῖν τὰ πετεινά. . . καὶ κατασηνοῦν* *Мат. 13,32* Зогр., Мар.; *н творнѣтъ вѣтѣн велика. ѣко моцн подъ сениѣ его. пѣнцямъ нѣскѣзм вѣтатн ѡсте δύνασθαι*

ὄψο τὴν σκίαν αὐτοῦ τὰ πετεινά . . . κατασκηνοῦν Марк 4,32 Зогр., Мар. Добавим сюда также предложение, повествующее о заливаемом волнами корабле (Мат. 8,24), приведенное выше в качестве иллюстрации дативно-инфинитивной конструкции, соответствующей греческой аккузативно-инфинитивной.

В старейших списках старославянского Евангелия на месте греческой аккузативно-инфинитивной не всегда появляется дативно-инфинитивная конструкция. В некоторых местах наблюдаются колебания: взаимозаменяются дативно-инфинитивная конструкция и личное предложение с глаголом в форме прошедшего времени, чаще всего имперфекта (см. выше Мат. 8,28; Марк 2,2; Марк 2,12; Марк 9,26). Кроме того, личный глагол появляется в старейших Евангелиях и вне колебаний, как стоящая в этих списках для данного места форма, в соответствии греческому инфинитиву, сочетающемуся с аккузативом. Ср. придаточные следствия с глаголом в форме имперфекта: Тогда прнвѣса емоу вѣснѡчѣшѣ са слѣпъ і нѣмъ. і ѡцван. і вко слѣпъ і глаухъ і глаше і гладаше ѡсте τὸν τυφλὸν καὶ κωφὸν λαλεῖν καὶ βλέπειν Мат. 12,22 Зогр., Мар.; оучаше ѡ на снѣзмнштнхъ іхъ. вко днелѣахъ са емоу і глахъ ѡсте ἐκλήσσεσθαι αὐτοὺς καὶ λέγειν Мат. 13,54 Зогр., Мар.; ѡнъ же шьдъ начатъ проповѣдатн много. і проноснтн слово. вко къ томоу не можааше двѣ въ градъ взннтн ѡсте μηκέτι αὐτὸν δύνασθαι Марк 1,45 Зогр., Мар.; мнѡгѡи въ ѡцван. вко напѣдаахъ емь. хоташте прнкоснѣтн са емь ѡсте ἐπίλιπται αὐτῷ Марк 3,10 Зогр., Мар.; о ннхъже снѣзмъшемъ са тѣмамъ народа. вко прѣпнра-ахъ дроугъ дроуга ѡсте καταλιπεῖν ἀλλήλους Лука 12,1 Зогр., Мар.; і снѣзра са къ нѡмоу народъ мнѡгъ. вко самъ влѣвъ въ коравь сѣдѣаше въ мори ѡсте αὐτὸν εἰς πλοῖον ἐμβάντα καθῆσθαι Марк 4,1 Мар.; і вѣстъ вѡурѣ вѣтрѣна велнѣ. влнны же влнелѣахъ са въ ладнѣ. вко оуже програзнѡчтн хотѣаше ѡсте ἦδη ὑετίξεσθαι τὸ πλοῖον Марк 4,37 Зогр., Мар.; і ѡжасъ са всн. вко н сѣтѣзаахъ са къ сѣвѣ глѣшѣте. чѣто оубо естъ се ѡсте συνζετεῖν πρὸς ἑαυτοὺς Марк 1,27 Зогр. (і сѣтѣзаахъ са к сѣвѣ — Мар.).

В придаточном предложении глагол в форме аориста: і снѣзраша са къ нѡмоу народн мнозн. і вко влѣвъ въ коравь сѣде ѡсте αὐτὸν εἰς πλοῖον ἐμβάντα καθῆσθαι Мат. 13, 2 Зогр. (вко самъ влѣвъ въ коравь сѣдѣаше Мар.)

К. Горалеком были изучены инфинитивные конструкции следствия и в более поздних списках Евангелия, относящихся к региональным изводам старославянского языка. Было установлено, что в ряде мест в поздних списках (которые нами здесь не привлекаются) на месте личных форм глагола прошедшего времени используется грецизирующая дативно-инфинитивная конструкция (Мат. 12,22; Мат. 13,2; Мат 13, 54; Марк 1,27; Марк 3,10; Марк 4,1; Марк 4,37; Лука 12,1) (Горалек 1954:162). Случаи использования в старейших списках Евангелий личного глагола на месте греческого инфинитива свидетельствуют о сопротивлении первых переводчиков употреблению необычной для славянских языков конструкции, о следовании духу славянских языков.

По нашим подсчетам, в привлеченных примерах из Евангелия конструкция с личным глаголом появляется в 13 местах (включая и те 4 места, в которых наблюдаются разночтения), а дативно-инфинитивная в 12 местах (также включая 4 случая разночтений).

В примере из Псалтыри используется дативно-инфинитивная конструкция. Действие придаточного относится к будущему; предложение следствия получает здесь модальную окраску неизбежности: Нсконъчѣштъ са грѣшнѣцѣ. вко не вѣстн нмъ ѡсте мѣ блѣрхѣи αὐτοὺς 103,35 Син. (в псалме 36,8 инфинитив с союзом вко, соот-

ветствующем *ѡсте*, употреблен в условиях императива; консекутивное значение прядаточно не достаточно четко).

В Супр. греческая аккузативно-инфинитивная конструкция всегда передается дативно-инфинитивной. Союз *ѡсте*, реже *ѡз*, в славянском тексте всегда имеет вид *ѡкоже* (Слоньский 1908: 43, Галерка 1964: 517). Обилие имеющихся примеров свидетельствует о расширении употребительности конструкции в древнеболгарском языке преславского периода. Ниже приводится только часть имеющихся многочисленных примеров.

Заметно влияние на употребление конструкции текста Евангелия.

1. Употребление при описании удивления: *и напроснаѡ врачѡхъ поучаахъ ѡкоже мноземъ днвнтн сѡ* (подлинник отсутствует) 556, 28 (с инфинитивом *днвнтн сѡ* см. также 285, 20; 244/245; 565, 10—11; 566, 15); *такѡ оубо быша лица свѣтънхъ ѡкоже въсѣмъ чюднтн сѡ тр'пвню нхъ ѡсте ѡнтаз ѡамаѣзев* 178, 21 (с инфинитивом *чюднтн сѡ* см. также 105, 20).

2. Употребление при описании ситуации наполнения: *наѡаше въсѣдѡь на родѡь многѡь ѡкоже пднномъ бѣтн въсѣмъ стѣгнамъ ѡсте ѡемен тѣн ѡгорѡн* 133, 5—6.

3. Употребление при лексическом выражении невозможности действия: *толнко же нмоу бѡаше поукрѣзненне ѡкоже . . . не моштн сѡ самомоу дрѣжатн ѡсте . . . нѣ ѡхѡевн ѡаотоу кратѣсѡи* 285, 18.

Вместе с тем при помощи дативно-инфинитивной конструкции описываются и различные другие события как следствие действий, выраженных в главном предложении. Ниже приводятся лишь некоторые из примеров: *кдннз ѡтѣ воннѡь оуданн н по главѣ келмн ѡкоже врднтн нго ѡсте трауаѣсѡи аѡтѡн* 139, 8—9; *на толнцѣ молн сѡ ѡкоже н мѡстоу въстрѣстн сѡ на немъже стоѡаше ѡсте кѡи . . . тѡн тѡпѡн . . . троѡсѡи* 520, 5; *исповѣдаша всѡа въсѣмъ. неже сѡ сѡлоучн нмъ ѡкоже многоу страхоу нападн на всѣхъ ѡсте полѡн фѡбѡн ѡпѡсеѡн* 40, 3; *течаахъ колнко врьзо народн ѡкоже ѡтѣрнватн дрѡгъ дрѡгѡ ѡсте ѡдетн ѡллѣлоуз* 125, 25—26.

Древнерусскому языку дативный оборот с инфинитивом хорошо известен. Особенно показательны в этом отношении примеры из оригинальных древнерусских сочинений: они свидетельствуют о прочном усвоении и активном использовании консекутивных дативно-инфинитивных конструкций древнерусскими писателями.

Высказывалось мнение о том, что обилие дативно-инфинитивных конструкций в древнерусском языке вызвано не только восприимчивостью древних русских авторов к грецизирующим старославянским образцам; Ем. Дворжакова полагает, что дативно-инфинитивная конструкция следствия могла иметь поддержку в широчайшей употребительности инфинитива в древнерусском языке вообще (Дворжакова 1959: 117). Действительно, если в современном русском инфинитивные конструкции медленно и неравномерно, но неуклонно устраняются, а разные оттенки модальности, выражавшиеся ранее инфинитивными предложениями, поступают в распоряжение лексических средств, то древнерусский язык инфинитивными предложениями изобилует.

С. П. Обнорский обратил внимание на то, что в таких памятниках древнерусского языка как Русская Правда, Слово о полку Игореве, Поучение Владимира Мономаха среди безличных предложений чаще всего встречается инфинитивный тип (Обнорский 1946: 26, 71, 175). Л. А. Булаховский писал: «По своему употреблению в древнерусском инфинитивы отличаются от современного литературного языка еще своею частостью там, где они применимы и теперь . . . и это сообщает древнерусскому сравнительно с современным русским особый волевой, категорический характер. Там, где мы предпочли бы сказать „можно“, „могу“, „следует“, „надо“, „не следует“, „нельзя“ с инфинитивом или употребить повелительное наклонение,

древнерусский автор пользовался одним инфинитивом или инфинитивом с отрицанием" (Булаховский 1953: 313).

Повышенная инфинитивность древнерусского языка могла быть фактором, благоприятствующим адаптиванию в нем дативно-инфинитивных „грецизирующих“ конструкций.

Переходя после этого отступления к древнерусским дативно-инфинитивным конструкциям со значением следствия, сделаем сначала краткий обзор сведений о них в работах по историческому синтаксису русского языка. А. А. Потебня привел 5 примеров этой конструкции из Остромирова Евангелия, сопровождая их соответствующими инфинитивно-аккузативными конструкциями греческого оригинала Евангелия, а затем 2 примера из Супр. и несколько примеров из древнерусских памятников. Предварительно А. А. Потебня заметил: „Вся конструкция есть дательный с неопределенным (без глагола), подобно тому, как в греч. *ἔσται* при винительном с неопределенным“. (Потебня 1958 (=1889): 416). Трудно, впрочем, установить, что означает здесь *подобно тому*: указание на греческое соответствие или указание на грецизирующий характер славянской дативно-инфинитивной конструкции.

В некоторых работах по синтаксису имеются замечания о том, что конструкция восходит к церковнославянским образцам или является книжной. Так, в работе А. А. Никольского о языке Ипатьевской летописи конструкция трактуется как факт церковнославянского синтаксиса; но при этом автор дает один пример дативно-инфинитивной конструкции рядом с собственно русской инфинитивной конструкцией модального значения, не разграничивая их (Никольский 1899: 257). Л. А. Булаховский указывает, что конструкция имеет церковнославянское происхождение (Булаховский 1953: 354). А. Н. Стеценко, сообщив несколько примеров, отмечает широкое распространение конструкции в древнерусских памятниках *книжного* языка (Стеценко 1960: 192—193; Стеценко 1977: 274).

В других работах по синтаксису отсутствуют и такого рода указания. В исследовании Е. Ф. Карского о синтаксисе Лаврентьевской летописи приводится несколько примеров без каких-либо пояснений (Карский 1929: 72—73). В книге Т. П. Ломтева сообщены некоторые примеры древнерусских дативно-инфинитивных конструкций из памятников разного времени, но о происхождении конструкции сведений не имеется, особенности ее употребления в древнерусском не освещены. Несколько примеров, также без указания на происхождение конструкции, приведены в коллективном труде по историческому синтаксису русского языка под ред. В. И. Борковского (Борковский 1979: 323—324).

Нуждается в специальном разборе статья К. А. Тимофеева об инфинитивных конструкциях с союзом *яко* в древнерусском языке. На основании наблюдений над Зогр. автор этой статьи замечает, что в подавляющем большинстве случаев славянская дативно-инфинитивная конструкция стоит на месте греческой аккумулятивно-инфинитивной (приводятся 2 примера из Зогр.). В то же время ему известно, что в некоторых старославянских списках Евангелия греческому аккумулятивно-инфинитивному обороту соответствует придаточное следствия с глаголом в личной форме. Отсюда делается вывод: „... наблюдаемые случаи расхождения могут свидетельствовать о свободе употребления славянской конструкции *яко* + инфинитив, о ее независимости от соответствующего греческого оборота *ἔσται* + инфинитив с винительным падежом, что подтверждается также различиями внутренней структуры обеих конструкций. Поэтому нет оснований рассматривать придаточные инфинитивные следствия с союзом *яко* как своего рода синтаксическую кальку, возникшую под влиянием греческого оборота. Как в старославянском, так и в древнерусском, эта конструкция существовала независимо от греческого воздействия, поэтому при переводе имело место не создание синтаксической кальки, а подстановка соответствующей славянской конструкции“ (Тимофеев 1958: 18, курсив К. А. Тимофеева).

В действительности свобода от греческого оригинала характерна не для старославянского дативно-инфинитивного оборота, все известные случаи употребления

которого зависят от аккумулятивно-инфинитивных оборотов греческого оригинала, а для личной конструкции в придаточном следствия, которая часто появляется вопреки соответствующей ей инфинитивной конструкции греческого оригинала. Что же касается старославянского дативно-инфинитивного оборота, то его зависимость от греческой аккумулятивно-инфинитивной конструкции не вызывает никаких сомнений.

Сообщения К. А. Тимофеева о судьбе дативно-инфинитивной конструкции следствия в русском языке вкратце сводятся к следующему. Конструкции этого рода были в древнерусском представлены в памятниках различных жанров, за исключением деловой письменности; они встречаются в житиях святых, летописи — даже в тех ее частях, где не замечается влияния старославянского языка. Отмечается их употребительность в публицистике XVI в., например, в произведениях Курбского. Часты они и в памятниках Смутного времени. Встречаются конструкции в повестях конца XVII — начала XVIII в. (автор приводит несколько примеров из памятников разного времени). С течением времени они приобретают все более книжный характер, сфера их употребления ограничивается. В XVIII в. конструкции окончательно выходят из употребления, заменяясь свойственной народному языку конструкцией с *так что*. Причину утраты инфинитивных конструкций автор видит в полисемантности союза *яко*; с последним утверждением, конечно, трудно согласится.

Как видно из обзора имеющихся работ по русскому синтаксису, вопрос не принадлежит к числу изученных и нуждается в уточнении. Нет полной ясности в вопросе о происхождении конструкции. Сведения о судьбе ее в русском языке имеют самый общий характер, а иногда противоречивы; иллюстративные примеры немногочисленны и случайны.

В настоящей работе поставлена задача показать степень распространения дативно-инфинитивной конструкции следствия и выяснить особенности ее использования в одном из памятников русского литературного языка древнего периода. Освещение этого частного вопроса могло бы способствовать уяснению особенностей процесса усвоения синтаксических греко-славянизмов на раннем этапе формирования древнерусского литературного языка.

Наблюдения проводятся на материале оригинальных древнерусских сочинений, входящих в состав Успенского сборника конца XII — начала XIII в.: Сказания о Борисе и Глебе (в издании Успенского сб. 1971 г. лл. 86—186), Сказания о чудесах Романа и Давида (лл. 186 — 26а), Жития Феодосия Печерского (лл. 26а — 67в). Создание этих произведений датируется серединой и концом XI века. В Успенском сборнике эти произведения занимают 59 листов с оборотами. В трех названных произведениях обнаружено 32 примера дативно-инфинитивных конструкций в составе придаточных со значением следствия, вводимых союзами *яко* и *якоже*.

Предварительно отметим, что дативно-инфинитивная конструкция не является в древнерусских произведениях единственным способом выражения следствия в придаточном предложении. Так же как и в старославянском Евангелии, в указанном значении можно найти немало примеров конструкций с именительным падежом субъекта и личной формой глагола-предиката в придаточных предложениях следствия. Обратимся к примерам из *Успенского сборника*. В придаточном предложении глагол в форме аориста: *тъгда же блжѣныи фѣодосии моляше сѧ богу. . . яко же и вл(а)стелинѣ града того видѣвъ штрока въ такомъ съмерении и покорении соуща възлюби зѣло. и повелѣ же ѣмоу да п(р)бываетъ оу него въ цркви (30 б 7); сиче же многашьды створи яко же соудии то оувѣдѣвъшю большимъ начать любити и (30 б 25); блжѣныи оцѣ нашѣ фѣодосии паче слнца въсиавъ добрыими дѣлы яко же се ѣви сѧ игоумену монастыря стого архистратига михаила. (39 г 18); моля сѧ ба съ плачьмь. и часто къ земли колѣнѣ прекланѧя яко же и многашьды*

слышаша црквиини строителе (45 в 4); сами въ себѣ съвѣтъ створиша. и ꙗко же съ свѣта въсѣхъ. стефана игоумена въ себѣ нарекоша быти. деместика соуца црквиьнааго (63 а 2—4); Се бо таково съмаѣ сотона створи въ нихъ. ꙗко же тѣмъ крамолоу створивъшемъ. стефана игоуменьства ѡтставиша (66 в 25); си же тако дивъоль раждѣже ꙗ на гнѣвъ. ꙗко же и ѡтъ монастырѣа того тѣща ѡтгнѣнаша (66 в 30).

В придаточном глагол-предикат в форме имперфекта: а стааго глѣба ꙗко повезоша ста рака не постоупьно . . . велика соуца зѣло ꙗко одва можааше моужь обидѣти объма роукама (25 г 25); и се видѣ свѣтъ надъ монастырьмъ. тѣкъмо блжеанаго оца нашего ѡсудосна. и ꙗко же чюдѣа сѣа ꙗмоу славааше бога глагола (39 г 28); Наипаче же зѣло любляше блжеанаго холлобивыи князь изаславъ. . . ꙗко же отътолѣ ꙗко богъ възвеличаше мѣсто то (40 б 1); тольми бо бѣ и врагъ раждѣглъ гнѣвъмъ на брата своего. ꙗко ни слоухъмъ хоташе того слышати (60 б 17). Глагол-предикат придаточного предложения следствия в форме настоящего времени: тоу же братии преселивъшемъ са. . . ꙗко же по всѣа дни и тоу стаѣа литоуьриа съвършаѣтъ са (61 а 11—13).

Обращаясь теперь к главному предмету статьи — дативно-инфинитивному обороту, заметим, что в подлежащих исследованию произведениях древнерусской литературы наблюдается и использование старославянского синтаксического приема — употребления дативно-инфинитивной конструкции в придаточном следствия (что можно истолковать как отражение глобального влияния старославянского языка), и использование этого приема для описания определенных ситуаций (что может быть истолковано как отражение влияния текста, со всеми его синтаксическими особенностями, наиболее авторитетного произведения на старославянском языке). Именно, для описания отношений следствия при помощи дативно-инфинитивной конструкции русский автор нередко избирает те же ситуации, которые в старославянском Евангелии изображаются при помощи той же конструкции. В случаях такого рода влияние старославянских конструктивных образцов выглядит как особенно сильное. Случай подобного рода можно рассматривать как свидетельство того, что в период становления древнерусского литературного языка канонические тексты на старославянском языке русские книжники знали наизусть и в своей повседневной практике черпали из них нередко синтаксическую конструкцию вместе с ее лексическим наполнением или вместе с отраженной в ней ситуацией. В свете фактов такого рода становится неоспоримым положение о проникновении основного потока грецизмов в русский литературный язык через старославянский (что, между прочим, и оправдывает употребление термина греко-славянизм).

Ср. дативно-инфинитивный оборот для передачи следующих типов ситуаций.

1. В главном предложении описание действия или события, а в придаточном информация об удивлении, испытываемом лицом или лицами вследствие этого события: ти видѣша чюдо преславно. телеси стою никакою же възвы имоущи. нѣ присно все цѣло и лица бѣста свѣтълѣ акы акы аѣгла. ꙗко дивити сѣа и архиепсупоу зѣло (19 в 6); и въскорѣ извыче всѣа граматикѣа. и адо же всѣмъ чюдити сѣа о преоудрости и разоумѣ дѣтица (28 а 18); тѣло же пакы троудѣмъ и подвижаньемъ дроучаше. ꙗко дивити сѣа прѣбноумоу антонию. и великому никоноу. съмѣрению его и покорению (31 г 7).

2. В главном предложении информация о наполнении, или наполненности некоего предмета, выступающего в качестве вместилища, а в придаточном описание последствий этого явления: всѣако множество тоу бѣаше и всѣака облашь и всѣи богатии и оубозии. съдравии же и болящии ѿко исплѣнити сѧ градуу весемоу и по стѣнамъ граднымъ. не съмѣстити сѧ (25 б 32); видѣ соузькъ тѣ . . . пѣльнь соущь моуки. ѿко же прѣсыпати сѧ ѿи. чрѣсъ стѣноу на землю (55 а 17—18).

3. В придаточном следствия информация о невозможности (не мощи) выполнить действие вследствие события, происшествия, изложенного в главном предложении: а съ оканьнии и стоѣлькъ побѣже и нападе на нь бѣсъ. и раслабѣша кости ѿго. ѿко не мощи ни на кони съдѣти и несѣахоуть ѿго на носилѣхъ (15 г 11); отъ земля бо възать сѧ цркы. и съ соущими въ ѿи възиде на въздоусь. ѿко не мощи имъ дострѣлити ѿд. (47 б 8); и видѣхомъ градъ соущь высокъ зѣло ѿко не мощи намъ приближити сѧ ѿмь (27 в 23—24).

Перейдем теперь к основной массе древнерусских предложений следствия с дативно-инфинитивными конструкциями, содержание которых не связано с предложениями текста старославянского Евангелия. Они возникли в древнерусском в результате заимствования грецизирующего образца старославянской дативно-инфинитивной конструкции. Можно убедиться, что число предложений велико, а круг выражаемых ими ситуаций намного шире, чем в старославянском Евангелии. Выделяются некоторые не связанные с известными из старославянского повторяющиеся ситуации; выражение их дативно-инфинитивными конструкциями обязано глобальному воздействию синтаксиса старославянского языка и может быть также влиянию более поздних популярных в Киевской Руси произведений на старославянском языке (житий святых?). Примеры ниже расположены по алфавиту глаголов, выступающих в форме инфинитива: тольми же гнѣвомъ одрѣжима ѿко и въ домъ ѿи пришѣдѣши бити и. донѣдеже изнеможе (28 г 30); ономоу о томъ не послоушающю ѿд. и ѿко же многашѣды ѿи отъ великыа дрости разгнѣвати сѧ на нь и бити и (28 б 14); и тако ѡтбеже отъ мене страхъ тѣ. ѿко же отъ того часа не боѣти ми сѧ ихъ (44 б 2—3); нь се ѿко вражию часть соущю градмъ осквѣрни сию бѣ. ѿко же на показаниѣ томоу быти (52 г 21); бысть же тако благословениѣ въ домоу томъ. ѿко же на многы дни довѣльномъ имъ тѣмъ быти (54 б 7—9); тоже пекоущимъ готовашемъ и тѣсто мѣсашемъ. и пакы имъ лѣющемъ оукропъ въ ѿи. и се обрѣте сѧ тоу жаба. ѿко же тои варенѣ быти въ таковѣи водѣ (52 г 32); и того сѣ часто прихожаше къ прѣдбнымъ. . . и възлюби же ѿ зѣло. и ѿко възхотѣти ѿмоу жити съ ними. и всѧ презрѣти въ житии семь (33 в 26); и ставъ въ двѣрѣхъ црквннихъ оучаше всѣд. и оутѣшаша подвига ради и пощениа и пощениа ихъ. себе же не достоина творѣа. ѿко же ни ѿдиноа недѣлѣ поне достигнути противоу трудоумъ ихъ (37 г 29); по томъ онъ . . . дѣни не може ни глати къ комоу. ни же очию провести. ѿко многымъ мѣнѣти ѿко же оуже оумрѣтъ (62 г 8); прѣидаше пакы въ нощи въ прѣже реченоую пещероу. и ѡтоуда въ патѣкъ вѣрбьныа недѣла къ братии излазаше. ѿко же тѣмъ мѣнѣти тоу ѿмоу прѣбывѣшю въ постѣныа дни (57 б 13); и пришедъ по обычаю молаше сѧ. сие же на оутрѣнии дондеже и поущемъ вопль ѿго сътоужи. ѿко прогнѣвати сѧ и рещи ѡтвлещи лѣпо ѿсть слѣпца сего (24 а 10); и при илии сътвори въдовици онои оумноживъ ѡт ѿдиноу прѣгрѣшь мѣки мно-

жъство. ѡкоже прѣпитати сѧ ни съ чады своими в глadyнѡе врѣмѧ (54 г 31); се же ѡко же и ѡтѣ оученикъ своихъ многашьды оукоризны и досажениѧ тому приимати (61 б 26); и се видѣ стѣлѣпъ огньнѣ до нбсе соущѣ надѣ манастырѣмъ тѣмъ... и ѡко же ѡтѣ того развѣсти прѣставлениѣ блаженаго (64 в 7—8); и тако побѣди ѧ хвою силою. ѡко къ тому не сѣмѣти имѣ ни приближити сѧ немъ (38 а 23); блгѣтнѡ хрсвою побѣди ѧ. и възвѣтъ ѡтѣ бѧ власть на нѣхъ. ѡко же отѣтолѣ не сѣмѣти имѣ ни прикоснути сѧ ни къ мѣстоу тому иде же блженны молитвоу твораше (38 в 7); и бѣ видѣ твоѣ трѣпчнѣкѣ подасть ти побѣдоу на нѧ [на бесов К. Х.]. ѡко же не сѣмѣти имѣ ни приближити сѧ (имѣ) къ тебе (44 в 13); Бысть в то врѣмѧ сѣмѣтениѣ нѣкако ѡт вселоукавааго врага въ трѣхъ кнѣзѣхъ братни соущемъ по плѣти. ѡко же дѣвѣма брань сѣтворити. на ѣдиного старѣшиааго си брата (57 г 30); и тако всемъ кличущемъ. ѡко же трасти сѧ пещерѣ. отѣ множѣства плѣща злыихъ дхѡвъ (38 б 13—14); ѡтоудоу же всиѧ намѣ днѣница пресвѣтла же отѣ всехъ странъ видѣвшѣ свѣтнѣкѣ на тещи к неѣ (27 а 25); и тако тѣхъ съ мирѣмъ ѡтпоусти славаца бѧ. ѡко же ѡттолѣ тѣмъ оумилити сѧ и никоумуже зѣла сѣтворити (50 г 32); тѣгда же страхъ и трепетъ обидѣтъ мѧ. ѡко же хотѣти ми бѣжати отѣ мѣста того (44 а 24—25); иде въ храмъ тѣ... тоу же пребысть въ немъ до оутрѣнѣѧ млтвы творѧ. ѡко же отѣ того часа не ѧвити сѧ бѣсомъ на томъ мѣстѣ ни ѡакости никоѧа же творити имѣ (38 в 31); так же (54 в 14—15).

Сравним теперь данные о количестве дативно-инфинитивных конструкций в значении придаточных следствия относительно других способов выражения этого значения в древнейших списках старославянского Евангелия и в исследованных древнерусских произведениях. В Евангелии придаточное следствия, выражаемое дативно-инфинитивной конструкцией, встречается приблизительно столь же часто, что и придаточное, выраженное предложением с подлежащим и финитным глаголом (12×13). В трех изученных русских произведениях в условиях отсутствия греческого оригинала, т. е. без поддержки греческих аккузативно-инфинитивных оборотов, дативно-инфинитивных конструкций в придаточных следствия насчитывается почти в три раза больше, чем личных предложений (32×12). Сравнение показывает, что древнерусские произведения были ближе по использованию дативно-инфинитивного оборота к старославянским памятникам более позднего, чем древнейшие списки Евангелия, времени, в частности к Супр.

Уже сообщалось, что в древнейших старославянских Евангелиях придаточное следствия, выражаемое дативно-инфинитивным оборотом, присоединяется к главному при помощи союза *ѡко*, а в Супр. — при помощи *ѡкоже*. В трех древнерусских произведениях союз в виде *ѡко* присоединяет придаточное, выраженное дативно-инфинитивной конструкцией, в 11 случаях, а союз *ѡкоже* — в 21 случае. В этом отношении три древнерусских произведения также ближе, например, к Супр., чем к старейшим Евангелиям. Однако при описании ситуаций, перекликающихся с евангельскими, русский автор предпочитает *ѡко*; см. придаточные с инфинитивами *дивитися* (2 раза), *не мощи* (3 раза), *исплѣнити* (1 раз). Как выясняется, что твердо зная текст Евангелия в его древнейшем переводе, русские авторы в то же время были хорошо знакомы и с более поздними старославянскими текстами.

И культурно-исторические, и лингвистические факты свидетельствуют о том, что древнерусский литературный язык был тесно связан со старославянским. А. А. Шахматов предполагал, что в Киевской Руси старославянский язык был не только книжным языком церкви и просвещения, но уже в X веке был усвоен образован-

ными слоями населения Киева как устный язык, иначе говоря, образованные слои киевского населения были двуязычными (Шахматов 1916:61—82). Факты, сообщаемые в настоящей статье, показывают, по крайней мере, то, что старославянское Евангелие знали в Киевской Руси наизусть, а синтаксические конструкции, даже не слишком широко распространенные в древнейших старославянских переводах, были прочно усвоены и стали образцом для подражания, так что они на некоторое время отнесли собственные синтаксические приемы.

На примере употребления дативно-инфинитивных конструкций в составе сложно-подчиненных предложений следствия, извлеченных из оригинальных древнерусских сочинений, можно наблюдать отражение многоступенчатой связи высоко развитых книжных культур — византийской, мораво-паннонской, древнеболгарской с древнерусским литературным языком. Подобно тому как старославянский приобрел под влиянием греческого новые выразительные качества и новый функционально-стилистический облик, для древнерусского старославянский язык стал образцом нормализации литературного языка, развития его выразительных возможностей и стилистического обогащения.

Трудно, однако, согласиться с определением древнерусского книжно-литературного языка как русской редакции древнеболгарского языка (см., например, Фидкова 1979:32). Для переводчиков с греческого на старославянский выбор выразительных средств в значительной мере определялся особенностями оригинала (несмотря на все фиксируемые отклонения), в то время как древнерусский автор был в выборе совершенно свободен: старославянские языковые приемы он заимствовал, их усваивал, им подражал. Как видно из наших материалов, этот процесс проходил разными путями.

Хотя старославянские грецизирующие конструкции, в том числе и дативно-инфинитивная, в дальнейшем развитии русского литературного языка постепенно вышли из употребления, они сыграли свою положительную роль в деле обогащения русского синтаксиса способами четкого выражения отвлеченных, в данном случае причинно-следственных, отношений. Русские писатели более позднего времени получили в свое распоряжение возможность выбирать из накопленных веками ресурсов средства, наиболее популярные или наиболее соответствующие духу собственно языка.

Привлеченные здесь материалы и их анализ лишней раз показывают необходимость подробного и последовательного изучения старославянского вклада в русский литературный язык на всех лингвистических уровнях, на материале произведений разного времени, разных жанров и стилей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стремление использовать дативно-инфинитивную конструкцию со значением следствия для описания ситуаций, подобных выраженным этой конструкцией — в особенности выраженным неоднократно в старославянском, наблюдается не только в оригинальных русских произведениях Успенского сборника, но и в других оригинальных произведениях древнерусской литературы, в том числе и в значительно более поздних, чем Успенский сборник. По крайней мере, дативно-инфинитивные конструкции, выражающие такие ситуации, заметно выделяются по количеству случаев употребления на фоне других дативно-инфинитивных конструкций, не связанных непосредственно по своему содержанию со старославянским текстом, но свидетельствующих только о глобальном воздействии старославянского языка на древнерусский. Факты такого рода также следует расценивать как отражение влияния на древнерусский литературный язык хорошо известного русским книжникам текста — старославянского Евангелия. Указанная тенденция выступает как очевидная даже при знакомстве с материалами исследований, авторы которых не ставили перед

собой задачу полного выявления всех имеющихся в памятнике случаев употребления дативно-инфинитивной конструкции следствия, но привлекали лишь некоторые примеры. Извлечения из такого рода материалов даются ниже с указаниями авторов на листы рукописей или страницы изданий памятников. Примеры уточнены по изданиям памятников.

1. Дативно-инфинитивная конструкция следствия для передачи удивления субъекта каким-либо событием или действием: Книгини же его. много раздѣли бѣгъство. монастыремъ. и попомъ и оубогымъ. ѿко дивитисѧ всѣмъ члвкомъ. ѿко такоу

млсти никтоже можеть створити *Ипат. летопись*, 4 (Потебня 1958: 419); и украсивъ ю [церковь, К. Х.]... ѿко и всимъ приходѧщимъ дивитисѧ *Ипат. летопись*, 111 (Потебня 1958: 419); И испълни сѧ мѣсто то благооуханиѧ а свиты кѣго благооуханиѧ испоущахоу ѿко дивити сѧ всѣмъ *Выголексинский сб.*, л. 8 об., 10 (Борковский 1979: 323); И в сицевую высоту онаго, прежде бывшаго океанного, возводятъ, ѿко и многимъ окрестнымъ языкомъ дивитисѧ обращенію его и благочестію. *А. Курбский. История о великом князе Московском*, л. 13 (Тимофеев 1958: 20); и неизреченныя благовонныя яди приношаху имъ, такожде и питье, ѿко дивитисѧ Саввъ... *Повесть о Савве Грудцыне* (Тимофеев 1958: 21).

2. Дативно-инфинитивная конструкция следствия при описании ситуации наполнения: и толико възша полона множество. ѿкоже всимъ Рускимъ воемъ наполнилсѧ по избильѧ. и колодники. и чагами. и дѣтми ихъ и чсладью *Ипат. летопись* 98 (Потебня 1958: 419); собралсѧ вси ѧтвазѣ. . . мнози зѣло, ѿко и лѣсомъ ихъ наполнити сѧ *Ипат. летопись* 186 (Потебня 1958: 419); И бѣ рать велика. ѿкоже наполнити болота ѧтважская полкомъ *Ипат. летопись* 192 (Потебня 1958: 419)

3. Дативно-инфинитивная конструкция следствия для передачи значения невозможности выполнить действие: бѣ бо раслабленъ тѣломъ, ѿко не мощи ему обратити ся на другую страну, ни встати, ни съдѣти *Лаврент. летопись* 6582 г. (Булаховский 1953: 354; Стеценко 1960: 192); бѣ бо раслабленъ тѣломъ. и оумомъ. ѿко не мощи ему вбратитисѧ на другую страну. *Ипат. летопись* 140 б 7 (Никольский 1899: 257); Улегъ же бѣ въ то время несправуѧ велми. ѿко не мощи ему ни на конь вѣсти *Ипат. летопись* 93 (Потебня 1958: 419); а Олегъ в то время бѣ велми не здравуѧ, ѿко не мощи емоу ни на конь вѣсти *Московск. летописный свод конца XV в.*, с. 74 (Стеценко 1960: 191); гониша ихъ, бѣуче. . . ѿко же не мочи ни коневи ступити трупиемъ *Новг. I летопись Синод. список* л. 60 (Потебня 1958: 419; Ломтев 1956: 532); а на семи верстѣ били Нѣмец, ѿко и коневи не мочи скочити в трупияхъ. *Московск. летописный свод конца XV в.*, с. 148 (Стеценко 1960: 191).

Отгласок содержания текста евангелия от Матфея 8,24 (описание бури на море с использованием дативно-инфинитивной конструкции) замечен в произведении XVIII в. „Гистория о российском матросе Василии Корнотском и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли“: воста велия и чекротимая буря, ѿко всему морю възлягитисѧ, с песком смутитисѧ. . . (Булаховский 1953: 354).

Мы привели примеры реминисценций, в ряде случаев, вероятно, неосознанно включенных русскими авторами в свои произведения по ассоциации с хорошо известным на Руси старославянским текстом.

ИСТОЧНИКИ

Ссыдки даются на известные издания старославянских кодексов Евангелия: Зографское (Зогр.) В. Ягича 1979 г., Маринское (Мар.) В. Ягича 1883 г., Ассеманово (Ассем.) Й. Курца 1955 г., Савинскую книгу (Савв.) Шенкина 1903 г., Остромирово евангелие (Остр.) А. Х. Востокова 1843 г., на издание Синайской псалтыри (Син.) С. Северьянова 1922 г., на издание Супрасльской рукописи (Супр.) подготовленное Й. Заимовым и М. Капалдо (Супрасьски или Ретков сборник, В два тома, Т. I, София, 1982; т. II, София, 1983); на Успенский сборник (Усп. сб.) в издании: Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бирнбаум 1958: Birnbaum H. Zur Aussonderung der syntaktischen Gräzismen im Altkirchenslavischen. Einige methodische Bemerkungen. Scando-Slavica, 1958, IV.
- Бирнбаум 1968: Бирнбаум Г. Общеславянское наследие и иноязычные образцы в структурных разновидностях старославянского предложения. American Contributions to the sixth international Congress of Slavists, Prague, 1968. Volume I. Linguistic Contributions.
- Борковский 1979: Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. Под ред. В. И. Борковского. М., 1979.
- Булаховский 1953: Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. II. Киев, 1953.
- Вечерка 1961: Večerka R. Syntax aktivních participií v staroslověnině. Praha, 1961.
- Вечерка 1971: Večerka R. Vliv řečtiny na staroslověninu. — Listy Filologické. Roč. 94, ч. 2, 1971.
- Вечерка 1985: Вечерка Р. Письменность Великой Моравии. — В: Великая Моравия. Ее историческое и культурное значение. М., 1985.
- Гадерка 1964: Гадерка К. Сочетания субъекта, связанного с инфинитивом, в старославянских и церковнославянских памятниках. — Slavica, roč. 33, seš. 4, 1964.
- Горалец 1954: Horálek K. Evangeliáře a číveroevangelia. Příspěvky k textové kritice a k dějinám staroslověnského předkladu Evangelia. Praha, 1954.
- Грабе 1968: Grabě V. K vývoji jednočlenných infinitivních vět v ruštině a češtině. — Otázky slovanské syntaxe, II, Brno, 1968.
- Дворжакова 1959: Dvořáková E. Syntaktické grecismy v csl. a ve struss. — Československá rusistika, roč. 4, 1959.
- Карский 1929: Карский Ф. Ф. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. — Известия АН СССР, т. II, кн. 1, Л., 1929.
- Ломтев 1956: Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
- Мразек 1963: Mrazek P. К дативно-инфинитивным конструкциям в старославянском языке. — Sborník prací filosofické fakulty Brněnské University. 1963, A-11.
- Никольский 1899: Никольский А. А. О языке Ипатьевской летописи. — Русский Филологический Вестник, т. XII, № 1—2, Варшава, 1899.
- Обнорский 1946; Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.
- Пацнерова 1964: Паспегоvá L. Синтаксис инфинитива в старославянских евангельских кодексах с точки зрения техники перевода. — Slavica, roč. 33, seš. 4, Praha, 1964.
- Потебня 1958: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958 (с издания: Харьков, 1889).
- Ружичка 1966: Ружичка Р. О понятии „заимствованный синтаксис“ в свете теории трансформационной грамматики. — Вопросы языкознания. М., 1966, № 4.
- Слоњски 1908: Sloňski St. Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen in den altbulgarischen Sprachdenkmälern. Kirchheim, 1908.
- Стеценко 1960: Стеценко А. Н. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI вв. Томск, 1960.
- Стеценко 1977: Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1977.
- Тимофеев 1958: Тимофеев К. А. Инфинитивные конструкции с союзом яко в древнерусском языке. — Ученые записки ЛГУ № 235, серия филологических наук, вып. 38. Л., 1958.
- Филкова 1979: Филкова П. Д. О некоторых спорных вопросах изучения истории русского литературного языка. — Болгарская русистика. С., 1979 № 2.
- Шахматов 1916: Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч. I, II, 1916.